

ВЫБОР РИСКА: НАМЕРЕНИЕ ПРОТИВ ДЕЙСТВИЯ

КОРНИЕНКО Д.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: kornienko-ds@ranepa.ru*

БАЛЕВА М.В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(ФГАОУ ВО «ПГНИУ»), г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru*

ЯЧМЕНЁВА Н.П.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>, e-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru*

В психологии принятия решений наиболее распространенной является точка зрения о синонимическом сходстве намерений и действий. Большинство экспериментальных процедур «сводят» их в единый акт. Понимая условность разделения данных понятий, мы выделяем два типа задач, первый из которых не предполагает поведенческой реализации принятого решения, а второй включает как формирование намерения, так и его последующую поведенческую реализацию. Целью настоящего исследования является сравнительный анализ склонности к риску как намерения и как действия. Тестируется гипотеза о том, что роль личностных факторов, провоцирующих рискованное решение, по-разному проявляется в условиях выбора как намерения и выбора как действия. В исследовании приняли участие 462 студента в возрасте от 17 до 46 лет ($M=21,20$, $SD=3,09$), из них 80 мужчин (17,3%) и 382 женщины (82,7%). Для измерения риска как намерения участникам предлагался кейс, описывающий гипотетическую игру на деньги. Для измерения риска как действия предлагалось сыграть в компьютерную игру аналогичного содержания. Анализ данных выполнялся с помощью ANOVA (межгрупповой дизайн). Было обнаружено, что выбор риска на уровне намерения не позволяет зафиксировать личностные корреляты принимаемого решения, однако на уровне реальных действий обнаруживается связь с Темной триадой и толерантностью к неопределенности. Интерпретация полученных результатов осуществляется в логике когнитивного, мотивационного и социально-психологического подходов. Полученные результаты могут быть использованы в сфере прогнозирования экономических рисков.

Ключевые слова: экономическое поведение, склонность к риску, риск как намерение, риск как действие, толерантность к неопределенности, Темная триада.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке ИОН РАНХиГС в рамках научно-го проекта № 1994.

Для цитаты: Корниенко Д.С., Балева М.В., Ячменёва Н.П. Выбор риска: намерение против действия // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 87—100. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160105>

RISK CHOICE: INTENTION VS. ACTION

DMITRY S. KORNIENKO

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

MILENA V. BALEVA

Perm State University, Perm, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

NADEZHDA P. YACHMENEVA

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>, e-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru

In decision-making research, the most common point of view is the synonymous similarity of intentions and actions. Most experimental procedures “reduce” them into a single act. Understanding the conventionality of separating these concepts, we distinguish two types of tasks. The first one involves only the intention and the second one also involves its subsequent behavioral implementation. The purpose of our study is to compare the risky choice as an intention and as an action. The hypothesis of various manifestations of risk-related personality traits in choice as an intention and as an action was tested. 462 students from 17 to 46 years old ($M=21.20$, $SD=3.09$) became participants in the study, including 80 male (17.3%) and 382 female (82.7%). To measure risk as intention, the participants were offered a case describing a hypothetical gambling game. To measure risk as an action, it was proposed to play a computer game of similar content. The results of one-way ANOVA (between group measures) showed that the choice of risk at the level of intention did not allow to fix the personal correlates of the decision making, however, at the level of real actions, its correlations with the Dark Triad and Uncertainty Tolerance appeared. These empirical facts were interpreted in the logic of cognitive, motivational and socio-psychological approaches. The results obtained can be used in the field of forecasting economic risks.

Keywords: economic behavior, risk preferences, risk as intention, risk as action, Uncertainty tolerance, Dark triad.

Funding. The reported study was supported by ISS RANEPА, project number 1994.

For citation: Kornienko D.S., Baleva M.V., Yachmeneva N.P. Risk Choice: Intention vs. Action. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160105> (In Russ.).

Введение

При изучении риска в разрезе принятия решений его проявления можно рассматривать, с одной стороны, как намерение, а с другой — как совершенное действие. Разведение оценок риска и действий с риском можно назвать традиционной теоретической парадигмой [см.: 5]. Эмпирически же такое разделение практически не реализуется в исследованиях. Большинство экспериментальных процедур «сводят» намерение и действие в один акт, представляющий собой выбор варианта ответа или нажатие кнопки. Примечательной иллюстрацией такого смешения является вступительная фраза к монографии по психологии выбора: «Мы не всегда выбираем то, что мы хотим, но всегда делаем то, что мы выбираем» [13, с. 8]. В психологии принятия решений связь намерений и действий не подвергается специальному изучению. Однако для социальной психологии вопрос о согласованности

установок и поведения является традиционным. В каком-то смысле в нашем исследовании соединяются эмпирические традиции экономической и социальной психологии.

Признаки разделения намерения и действия можно обнаружить в дискуссии о соотношении решения и выбора. Наиболее распространенной является точка зрения о синонимическом сходстве данных понятий, в рамках которой они наделяются все же разными оттенками общего смысла. Так, например, Ю. Козелецкий рассматривает выбор как четвертый (конечный) этап реализации деятельности по принятию решений, называя его собственно решением — в отличие от предшествующих ему этапов предрешения [5]. Т.В. Корнилова отмечает содержательную идентичность решения и выбора, подчеркивая, однако, что речь в данном случае идет только о свободном и осмысленном, но не механическом выборе [10]. Она отмечает также большую терминологическую определенность и операционализируемость выбора по сравнению с решением [7].

Д.А. Леонтьев и др. предлагают альтернативный подход. Опираясь на разные смысловые коннотации решения и выбора, они выделяют три критерия их разделения. Во-первых, авторы отмечают, что «...принятие решения происходит в сознании и завершается решением, а выбор происходит в жизни и завершается действием» [13, с. 55]. Во-вторых, по мнению авторов, решение имеет объективно верные или неверные исходы, а выбор определяется субъективным пониманием «правильного». Соответственно, в-третьих, выбор не может быть отчужден от субъекта, а решение может быть делегировано другому человеку или искусственной системе.

На наш взгляд, именно возможность операционализации позволяет соотнести выбор с совершаемым действием. При этом неверно было бы рассматривать решение исключительно как намерение, поскольку, частично совпадая с выбором, реализуясь в нем, решение также может выражаться в совершенном действии. Наиболее четко разница между намерением и действием обнаруживается при наличии волевого усилия [см.: 14]. Наименее четкой она является, по-видимому, при выборе из случайных альтернатив [12]. Понимая условность разделения решения и действия (в качестве которого формально можно рассматривать и «галочку» или «клик» рядом с формулировкой предпочитаемой альтернативы), выделим два типа задач, которые задают их разные сочетания. К первому типу можно отнести задачи, гарантированно не предполагающие, по крайней мере в ближайшей временной перспективе, поведенческую реализацию принятого решения. В задачах такого типа субъект ограничивается обозначением своего предпочтения. Таким образом, его решение или выбор представлены исключительно намерением. Второй тип задач предполагает не только формирование намерения, но и его поведенческую реализацию. В этом случае решение или выбор проявляются в действии. Отметим, что в задачах каждого типа может присутствовать подкрепление — обратная связь в виде позитивных или негативных исходов принятого решения.

Понятно, что представления субъекта о реализации принятого решения и о возможности столкнуться с его последствиями являются дополнительными факторами, определяющими выбор альтернатив. Можно предположить, что вероятность выбора риска в задачах первого и второго типа будет разной. Во втором случае она будет определяться как диспозиционно, так и антиципационно — на основании субъективных представлений о реально возможных исходах совершенного действия. Причем одновременная оценка себя и составляющих ситуации может спровоцировать внутренний конфликт при принятии решения.

Риск и неопределенность в принятии решений

В психологических подходах, делающих акцент на мотивационно-личностной детерминации, осознанности и произвольности выбора, субстанциальным условием принятия решения является ситуация неопределенности. Именно в условиях неопределенности «лицо, принимающее решение» проявляет свою субъектность [см.: 6]. Неопределенность ситуации сопряжена с вероятностью неверного выбора, которая привносит элемент риска в процесс принятия решения. В то же время степень рискованности решения определяется не столько выбором неверной (неоптимальной) альтернативы, сколько степенью ущерба (опасности), которую такой выбор влечет [1; 6]. При этом важно отметить, что избегание неопределенности (в частности двусмысленности) преобладает над избеганием риска [см.: 20].

Базовым стремлением субъекта является уход от риска — в том числе через снижение неопределенности [29]. Ее субъективное восприятие и отношение к ней является важной переменной, определяющей склонность к рискованным решениям [15]. Ситуационные факторы также могут влиять на склонность к рискованным решениям. К ним относятся, в частности, эффект фрейминга [19] и индивидуальный опыт [24]. При этом индивидуальный опыт, а также другие переменные, например эмоциональное состояние, могут взаимодействовать с фактором фрейминга, трансформируя его в рефрейминг [8; 16].

Склонность к риску и Темная триада

С точки зрения диспозициональной характеристики риск можно рассматривать как один из аспектов личности с высокой Темной триадой, в разной степени и в разных контекстах присущий нарциссам, макиавеллистам и психопатам. В исследовании Л. Крайсел и др. было показано, что темные черты положительно коррелируют как с импульсивностью, так и с поиском ощущений [18], которые, в свою очередь, являются предикторами рискованного поведения [23]. Было обнаружено, что психопатия соотносится с поведением, которое можно интерпретировать как рискованное, например с преступными действиями [30] или антиобщественными выступлениями [17]. Носители макиавеллизма характеризуются, с одной стороны, наличием долгосрочных стратегических целей, умением планировать, а также подавлять импульсивные действия и эмоции [28]. Эти свойства можно рассматривать как определяющие низкую предрасположенность к риску. С другой стороны, имеются данные о том, что макиавеллизм положительно коррелирует с поиском ощущений и отрицательно — практически со всеми показателями саморегуляции [2]. Можно предположить, что макиавеллисты склонны скорее не к импульсивному, а к продуманному риску, основанному на субъективном представлении о подконтрольности ситуации. В отношении нарциссизма имеются данные о его положительных корреляциях с рискованными решениями, что объясняется высокой уверенностью нарциссов в своих суждениях и поведении [21].

В самом общем виде можно предположить, что социально рискованное поведение темной личности, влекущее негативные исходы в виде разных форм остракизма, может составлять основу рискованных решений в самых разных сферах, в том числе в экономическом поведении. Так, одним из примеров рискованного поведения, предполагающего вероятность существенных потерь, является мошенничество. Тот факт, что все черты темной триады отрицательно коррелируют с честностью в модели HEXACO [25], позволяет предположить, что их носители склонны к рискованному поведению, уровень которого выходит

за рамки нормативных значений. В работе Ю.В. Красавцевой были обнаружены, однако, неоднозначные взаимосвязи темных черт с поведенческими стратегиями на разных этапах игровой задачи Айова. Так, например, студенты с высокой психопатией избегали как безопасных, так и рискованных выборов на протяжении всей игры. Тем не менее, именно баланс предпочтений проигрышных и выигрышных стратегий позволил автору предположить склонность темной личности к рискованным выборам, поскольку они влекут за собой как высокие выигрыши, так и крупные проигрыши [11].

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ склонности к рискованному экономическому поведению в ситуации выбора как намерения и выбора как действия. Опираясь на описанные выше данные о диспозиционных факторах, повышающих вероятность рискованного решения, мы исследуем сопряженный с риском экономический выбор при разных уровнях толерантности к неопределенности и Темной триады.

Выдвигается **гипотеза** о том, что роль личностных факторов, провоцирующих рискованное решение, по-разному проявляется в условиях выбора как намерения и выбора как действия.

Метод

Участники и процедура

Участниками исследования стали 462 студента в возрасте от 17 до 46 лет ($M=21,20$; $SD=3,09$), из них 80 мужчин (17,3%) и 382 женщины (82,7%). При обработке результатов размер выборки менялся в результате проведенной кластеризации, а также исключения пропущенных значений. Участие в исследовании было добровольным и поощрялось дополнительными баллами по дисциплинам психологической направленности. Участникам предлагалось пройти онлайн-опрос на платформе 1ка, включающий кейсы, игру и личностные опросники, связанные с принятием экономических решений.

Опросные методики

Шкала толерантности и интолерантности к неопределенности (Корнилова, Чумакова, 2014) представляла собой опросник из 13 утверждений, с каждым из которых участникам предлагалось выразить степень своего согласия/несогласия по 7-балльной шкале. Измеряемые показатели: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности.

Короткий опросник Темной триады [3] представлял собой перечень из 27 утверждений, с которыми участникам предлагалось высказать степень своего согласия/несогласия по 5-балльной шкале. Измеряемые показатели: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, а также суммарная выраженность темнотриадических черт.

Диагностика склонности к риску как намерения

Для измерения склонности к риску как намерения участникам предлагался кейс, описывающий гипотетическую игру, в ходе которой вероятность проиграть 1000 руб. составляет 50:50. Участникам необходимо было выбрать минимальный размер гипотетического выигрыша в диапазоне от 500 до 3000 руб., при котором они согласились бы участвовать в данной игре. Предлагалась следующая инструкция: «Вам предлагают бросить монетку. Если выпадет решка, вы потеряете 1000 руб. Какой должна быть минимальная сумма обещанно-

го выигрыша, поставленная на орла, чтобы вы согласились сыграть?» [4]. Выбранный вариант ответа перекодировался в балл, соответствующий отношению возможного проигрыша к возможному выигрышу. Так, например, при выборе 500 руб. участник получал 2 балла, при выборе 800 руб. — 1,3 балла и т.д. Выбор более низких сумм свидетельствовал о повышенной, а выбор более высоких сумм о пониженной склонности к риску.

Для диагностики склонности к риску как намерения мы сознательно решили не использовать классический опросник «Личностные факторы решений — ЛФР-21» [7], поскольку он, во-первых, не затрагивает сферу экономических (денежных) выборов, а во-вторых, помимо главной шкалы личностной готовности к риску содержит шкалу субъективной рациональности, вопросы которой, на наш взгляд, могут способствовать формированию у респондента «рационального» подхода при выборе риска или отказе от него.

Диагностика склонности к риску как реализованного действия

Для диагностики рискованного поведения участникам предлагалось сыграть в компьютерную игру, в ходе которой разыгрывались деньги, якобы полученные ими в виде премии. Игра предполагала выполнение следующих виртуальных действий: 1) совершение выбора (играть или не играть); 2) подбрасывание виртуальной монетки; 3) передачу проигрыша/получение выигрыша. Все эти действия совершались с помощью кликов в компьютерной программе. Предлагалось 5 раундов игры, в каждом из которых участники могли выбрать: продолжать игру (идти на риск) или остановиться и получить небольшое, но гарантированное вознаграждение. В 1-м, 2-м и 4-м раундах при выборе игры (риска) испытуемые проигрывали деньги, а в 3-м и 5-м раундах — выигрывали. В качестве показателей рискованного поведения рассматривались: (1) выбор игры в 1-м раунде и (2) общее количество выбранных игр.

Анализ данных

Анализ данных выполнялся в логике квазиэкспериментального дизайна (сравнение групп). Диагностические данные были обработаны в программе SPSS. В качестве основного анализа использовался однофакторный дисперсионный ANOVA (межгрупповой дизайн). В качестве дополнительного — кластерный анализ (метод К-средних). С помощью кластерного анализа выделялись группы участников с контрастными (низкими, средними и высокими) показателями Темной триады и толерантности к неопределенности. С помощью дисперсионного анализа сравнивались центральные тенденции и дисперсии показателей Темной триады и толерантности к неопределенности в группах участников, осуществивших рискованный и нерискованный выбор на уровне намерения и действия.

Результаты

Оценка нормальности распределения показателей осуществлялась с помощью значений асимметрии и эксцесса для шкал стандартизированных методик — Короткого опросника Темной триады и Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности. Было обнаружено, что значения асимметрии колебались в диапазоне 0,01–0,42 ($SE = 0,11$), а значения эксцесса — в диапазоне 0,03–0,55 ($SE = 0,23$). Таким образом, был сделан вывод о нормальном и близком к нормальному распределении показателей.

На подготовительном этапе с помощью кластерного анализа по методу К-средних были выделены две контрастные группы участников с противоположными значениями толерантности и интолерантности к неопределенности¹. В первую группу ($n = 99$) вошли участники с высокой толерантностью и низкой интолерантностью к неопределенности, а во вторую группу ($n = 95$) — участники с низкой толерантностью и высокой интолерантностью к неопределенности. Данные группы значительно различались между собой по обоим показателям ($F_{ТН} = 150,24$; $p < 0,001$; $F_{ИТН} = 670,19$; $p < 0,01$). Для простоты будем обозначать их как группы с низкой и высокой толерантностью к неопределенности, имея в виду, что интолерантность к неопределенности в данных группах является высокой и низкой соответственно. Дальнейшие анализы с показателем толерантности к неопределенности проводились только на участниках выделенных контрастных кластеров.

Выбор риска при контрастных уровнях толерантности к неопределенности

В табл. 1 представлены результаты дисперсионного анализа переменной «Толерантность к неопределенности» (ТН) у участников с разными показателями склонности к риску как намерения и как реализованного действия.

Таблица 1

Итоги дисперсионного анализа показателя ТН при разной выраженности склонности к риску как намерения и как действия

Показатели склонности к риску в зависимости от типа экспериментальной задачи	Различия в выраженности ТН		
	Критерий Левена	Критерий Фишера	Мощность критерия
	F (p)	F (p)	1-β
Склонность к риску как намерение ($n = 194$)	1,25 (0,281)	1,34 (0,242)	0,52
Склонность к риску как реализованное действие: выбор игры (риска) в 1-м раунде ($n = 48$) общее количество выбранных игр ($n = 135$)	3,39 (0,067)	7,01 (0,009)	0,75
	0,91 (0,402)	4,15 (0,017)	0,73

Как видно из таблицы, при разном уровне готовности к риску (риске как намерении) значимых различий в выраженности ТН не наблюдалось. В то же время в группах участников, продемонстрировавших и не продемонстрировавших риск на уровне реализованного поведения, удалось выявить значимые различия в выраженности ТН (рис. 1 и 2). Статистическая мощность обнаруженных различий была более 70%.

Выбор риска при контрастных уровнях Темной триады

В табл. 2 представлены результаты дисперсионного анализа интегративного показателя Темной триады (ТТ) у участников с разной выраженностью склонности к риску как диспозиции и как реализованного поведения.

¹ В исследовании Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой показано, что шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности не обязательно являются реципрокными. Наши данные поддерживают этот результат. Так, при трехкластерном решении была выделена одна группа с высокой ТН и низкой ИТН, а также две группы с одинаково высокими и одинаково низкими ТН и ИТН. Четырехкластерное решение позволило выделить две полярные группы с контрастными значениями обоих показателей, характерными для 42% участников. Еще 32% испытуемых обнаружили одинаково низкую, а 26% — одинаково высокую выраженность ТН и ИТН. В дальнейшие анализы были включены 194 участника (42%), вошедшие в группы с контрастными значениями ТН и ИТН [9].

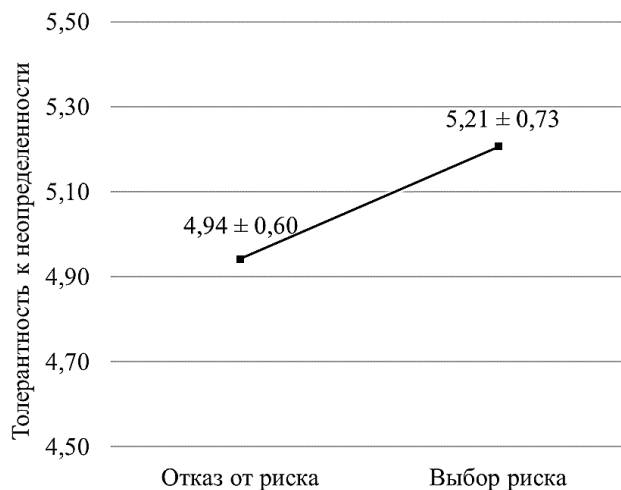

Рис. 1. Средние значения и стандартные отклонения показателя ТН при разном уровне риска как реализованного действия

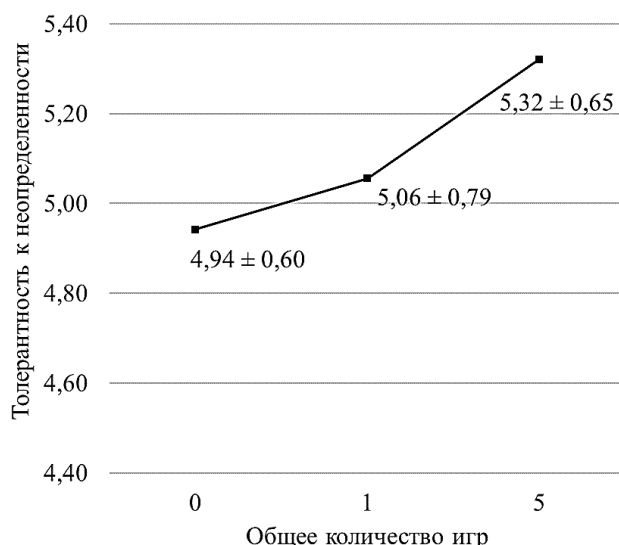

Рис. 2. Средние значения и стандартные отклонения показателя ТН при разном количестве реализованных рискованных действий (сыгранных игр): число участников, сыгравших 2, 3 или 4 раза, оказалось существенно меньшим, чем число участников, сыгравших 0, 1 или 5 раз; дисперсии значений ТН в малочисленных и многочисленных группах значительно различались между собой ($p < 0,05$) и не подлежали сравнению. Таким образом, в анализ были включены только самые многочисленные группы участников, выбравших игру 0, 1 или 5 раз

Как видно из таблицы, при разном уровне демонстрации риска как намерения значимых различий в выраженности ТТ не наблюдалось. В то же время реализованный и не реализованный поведенческий риск позволил выявить значимые различия в выраженности ТТ (рис. 3 и 4). Статистическая мощность обнаруженных различий была более 75%.

Таблица 2

Итоги дисперсионного анализа интегративного показателя ТТ при разной выраженности склонности к риску намерения и как реализованного действия

Показатели склонности к риску в зависимости от типа экспериментальной задачи	Различия в выраженности ТТ		
	Критерий Левена	Критерий Фишера	Мощность критерия
	F (p)	F (p)	1-β
Склонность к риску как намерение (n = 462)	1,26 (0,274)	1,39 (0,217)	0,54
Склонность к риску как реализованное действие: выбор игры (риска) в 1 раунде (n = 104)	0,93 (0,335)	7,58 (0,006)	0,78
общее количество выбранных игр (n = 433)	1,63 (0,195)	4,63 (0,010)	0,78

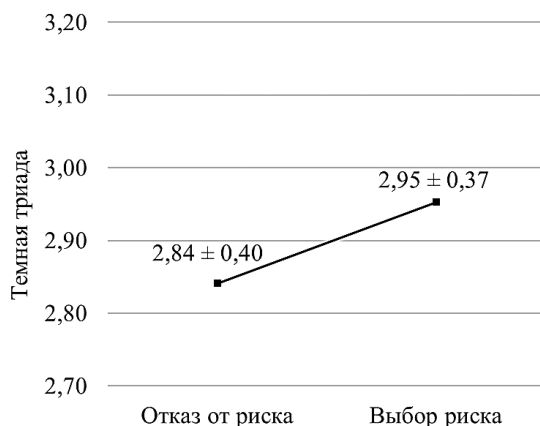

Рис. 3. Средние значения и стандартные отклонения показателя ТТ при разном уровне риска как реализованного действия

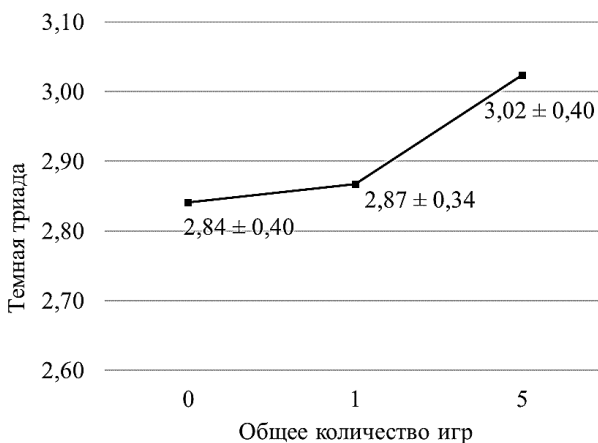

Рис. 4. Средние значения и стандартные отклонения показателя ТТ при разном количестве реализованных рискованных действий (сыгранных игр): число участников, сыгравших 2, 3 или 4 раза, оказалось существенно меньшим, чем число участников, сыгравших 0, 1 или 5 раз; дисперсии значений ТН в малочисленных и многочисленных группах значимо различались между собой ($p < 0,05$) и не подлежали сравнению. Таким образом, в анализ были включены только самые многочисленные группы участников, выбравших игру 0, 1 или 5 раз

Обсуждение

Полученные в нашем исследовании результаты свидетельствуют о том, что на уровне базовых установок, или намерений, между носителями высоких и низких уровней ТТ и ТН не было обнаружено статистически значимых различий в предрасположенности к рискованному экономическому поведению. Носители выраженной ТТ и ТН прогнозируют собственные экономические действия в рамках нормативных значений, предполагающих избегание риска через профилактическую компенсацию возможных потерь. В то же время на уровне реализованного поведения данные личностные характеристики оказались факторами, повышающими вероятность рискованных стратегий. Таким образом, в поддержку выдвинутой нами гипотезы был зафиксирован факт расхождения между выбором как намерением и выбором как действием. Этот результат можно рассматривать как частный случай расхождения между установками и поведением [см.: 22]. На наш взгляд, его можно объяснить следующим образом.

Предпочтение более крупных сумм потенциального выигрыша, который демонстрировали респонденты с разной выраженностью ТТ и ТН, делая выбор, не предполагающий последующего действия, можно, с одной стороны, рассматривать как универсальный автоматизм (эвристику) мышления. С другой стороны, в этом выборе могут проявляться установки на «правильное» декларируемое решение, которое не обязывает к тому, чтобы его исполнять. На наш взгляд, умозрительный характер первой задачи (отсутствие собственно игровых действий) не позволяет в полной мере проявиться диспозиционным факторам, провоцирующим склонность к риску. В отличие от этого во второй задаче выбор решения мог привести к конкретному результату (выигрышу или проигрышу). При таком условии рискованное решение приобретало смысл, т. е. ситуационный фактор стимулировал проявление диспозиционной предрасположенности к риску.

Различия в экономическом выборе на уровне реализованного действия между респондентами с высокими и низкими ТТ и ТН оказались вполне ожидаемыми: высокая выраженность данных личностных свойств повышает вероятность рискованных действий. Помимо приведенных в первой части статьи теоретических и эмпирических обоснований этих закономерностей можно предположить также, что медиатором связи ТТ и ТН с рискованным действием может выступать импульсивность, которая по определению проявляется скорее в самом действии, чем в намерении его осуществить. Это предположение подтверждается данными исследований о связях импульсивности с ТТ [26] и с ТН [27].

Ограничением настоящего исследования следует признать, во-первых, студенческую выборку с преобладанием лиц женского пола. Во-вторых, представленные результаты получены на выборке участников с реципрокными значениями толерантности и интолерантности к неопределенности и не охватывают других имеющихся вариантов комбинации данных показателей. В-третьих, сопоставление показателей личностных свойств при выборе риска на уровне намерения и реализованного действия осуществлялось с помощью задач, сходных по вероятностным исходам (денежным выигрышам), однако различных по алгоритму потенциальных действий.

Заключение

Таким образом, выдвинутая в нашем исследовании гипотеза о разном проявлении склонности к риску как намерения и как реализованного действия у лиц с высоким уровнем ТН и ТТ получила эмпирическую поддержку. Было показано, что при выборе риска на

уровне намерения значимых различий в выраженности ТН и ТТ не наблюдается. В то же время на уровне реальных действий у лиц с более рискованным поведением наблюдается более высокая выраженность ТН и ТТ.

Полученные результаты могут быть использованы в сфере прогнозирования экономических рисков при решении широкого круга задач — от финансовой аналитики до решения кадровых вопросов и составления индивидуального финансового плана. Дальнейшие исследования в данном направлении призваны более четко прояснить как предложенные нами интерпретации полученных закономерностей, так и правомерность их распространения на процессы принятия решений в других областях (социальных отношений, повреждающего поведения, субъективного благополучия и др.).

Литература

1. Диев В.С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Том 17. № 4. С. 41–52. DOI:10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52
2. Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10. Дифференциальная психология. 2009. № 1/2. С.65–80.
3. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паришкова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.09.2022).
4. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2017. 653 с.
5. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
6. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Том 34. № 3. С. 89–100.
7. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. 284 с.
8. Корнилова Т.В., Павлова Е.М., Красавцева Ю.В., Разваляева А.Ю. Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов // Национальный психологический журнал. 2017. Том 4. № 28. С. 17–29. DOI:10.11621/npj.2017.0402
9. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Том 7. № 1. С. 92–110.
10. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 334 с.
11. Красавцева Ю.В. Эмоциональное предвосхищение в процессе принятия решений: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М.: ИП РАН, 2021. 250 с.
12. Лебедев А.Н. Квазиэкспериментальное исследование принятия решений в условиях равнозначного выбора // Экспериментальная психология. 2018. Том 11. № 4. С. 79–93. DOI:10.17759/exprpsy.2018110407
13. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015. 463 с.
14. Шляпников В.Н. Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 72–87. DOI:10.17759/exprpsy.2022150105
15. Carleton R.N. The intolerance of uncertainty construct in the context of anxiety disorders: Theoretical and practical perspectives // Expert Review of Neurotherapeutics. 2012. Vol. 12(8). P. 937–947. DOI:10.1586/ern.12.82
16. Cassotti M., Habib M., Poirel N., Aïte A., Houdé O., Moutier S. Positive emotional context eliminates the framing effect in decision-making // Emotion. 2012. Vol. 12(5). P. 926–931. DOI:10.1037/a0026788
17. Cooke D.J., Michie C., Hart S.D., Clark D.A. Reconstructing psychopathy: clarifying the significance of antisocial and socially deviant behavior in the diagnosis of psychopathic personality disorder // Journal of personality disorders. 2004. Vol. 18(4). P. 337–357. DOI:10.1521/pedi.2004.18.4.337
18. Crysel L.C., Crosier B.S., Webster G.D. The Dark Triad and risk behavior // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 54(1). P. 35–40. DOI:10.1016/j.paid.2012.07.029

19. Dorison C.A., Heller B.H. Observers penalize decision makers whose risk preferences are unaffected by loss-gain framing // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Advance online publication. DOI:10.1037/xge0001187
20. FeldmanHall O., Glimcher P., Baker A.L., Phelps E.A. Emotion and decision-making under uncertainty: Physiological arousal predicts increased gambling during ambiguity but not risk // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. Vol. 145(10). P. 1255–1262. DOI:10.1037/xge0000205
21. Foster J.D., Shenese J.W., Goff J.S. Why do narcissists take more risks? Testing the roles of perceived risks and benefits of risky behaviors // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. P. 885–889. DOI:10.1016/j.paid.2009.07.008
22. Glasman L.R., Albarracín D. Forming attitudes that predict future behavior: A meta-analysis of the attitude-behavior relation // *Psychological Bulletin*. 2006. Vol. 132(5). P. 778–822. DOI:10.1037/0033-2909.132.5.778
23. Groer S., Furnham A. The moderating effects of emotional stability on the relationship between the Dark Triad and different measures of risk-taking // *Personality and Individual Differences*. 2020. P. 110450. DOI:10.1016/j.paid.2020.110450
24. Guassi Moreira J.F., Méndez Leal A.S., Waizman Y.H., Saragosa-Harris N., Ninova E., Silvers J.A. Early caregiving adversity differentially shapes behavioral sensitivity to reward and risk during decision-making // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Advance online publication. DOI:10.1037/xge0001229
25. Lee K., Ashton M.C. Psychopathy, Machiavellianism, and Narcissism in the Five-Factor Model and the HEXACO model of personality structure // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 38(7). P. 1571–1582. DOI:10.1016/j.paid.2004.09.016
26. Malesza M., Ostaszewski P. Dark side of impulsivity — Associations between the Dark Triad, self-report and behavioral measures of impulsivity // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 88. P. 197–201. DOI:10.1016/j.paid.2015.09.016
27. Mittal C., Griskevicius V. Sense of control under uncertainty depends on people's childhood environment: A life history theory approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 107(4). P. 621–637. DOI:10.1037/a0037398
28. Rauthmann J.F., Will T. Proposing a multidimensional Machiavellianism conceptualization // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2011. Vol. 39(3). P. 391–404. DOI:10.2224/sbp.2011.39.3.391
29. Schneider E., Streicher B., Lermer E., Sachs R., Frey D. Measuring the zero-risk bias: Methodological artefact or decision-making strategy? // *Zeitschrift für Psychologie*. 2017. Vol. 225(1). P. 31–44. DOI:10.1027/2151-2604/a000284
30. Skeem J.L., Cooke D.J. Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22(2). P. 433–445. DOI:10.1037/a0008512

References

1. Diev V.S. Neopredelennost', riski prinyatie reshenii v mezhdistsiplinarnom kontekste [Uncertainty, risk and decision-making in an interdisciplinary context]. *Sibirskii filosofskii zhurnal = Siberian Journal of Philosophy*, 2019. V. 17(4). P. 41–52. DOI:10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52 (In Russ.).
2. Egorova M.S. Makiavellizm v structure lichnostnykh svoistv [Machiavellianism in the structure of personality traits]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 10. Differential'naya psikhologiya = Bulletin of the Perm State Pedagogical University. Series 10. Differential Psychology*. 2009. V. 1/2. P. 65–80. (In Russ.).
3. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoi triady [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*. 2015. V. 8(43). P. 1. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 11.09.2021). (In Russ.).
4. Kahneman D. *Dumai medlenno... reshai bistro [Thinking, fast and slow]*. Moscow: AST, 2017. 653 p. (In Russ.).
5. Kozeletskii Yu. *Psikhologicheskaya teoriya reshenii [Psychological theory of decision]*. Moscow: Progress, 1979. 504 p. (In Russ.).
6. Kornilova T.V. Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi regulyatsii reshenii I vyborov [Psychology of ambiguity: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*. 2013. V. 34(3). P. 89–100. (In Russ.).

7. Kornilova T.V. *Psikhologiya riska I prinyatiya reshenii [Psychology of risk and decision-making]*. Moscow: Aspekt Press, 2003. 284 p. (In Russ.).
8. Kornilova T.V., Pavlova E.M., Krasavtseva Yu.V., Razvalyaeva A.Yu. Svyaz' freiming-effekta s individual'nymi razlichiyami u studentov-medikov i studentov-psikhologov [Relationship between the framing effect and individual differences in medical students and psychology students]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2017. V. 4(28). P. 17–29. DOI:10.11621/npj.2017.0402 (In Russ.).
9. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika C. Badnera [Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*. 2014. V. 7(1). P. 92–110. (In Russ.).
10. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A., Novikova M.A. *Psikhologiya neopredelennosti: Edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka [Psychology of uncertainty: The unity of the intellectual and personal potential of a person]*. Moscow: Smysl, 2010. 334 p. (In Russ.).
11. Krasavtseva Yu.V. *Emotsional'noe predvoskhishchenie v protsesse prinyatiya reshenii [Emotional Anticipation in Decision Making]*: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. Moscow, IP RAN, 2021. 250 p. (In Russ.).
12. Lebedev A.N. Kvaziekperimental'noe issledovanie prinyatiya reshenii v usloviyakh ravnoznachnogo vybora [Quasi-experimental study of decision-making under conditions of equal choice] // *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*. 2018. V. 11(4). P. 79–93. DOI:10.17759/exppsy.2018110407 (In Russ.).
13. Leont'ev D.A., Ovchinnikova E.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.Kh. *Psikhologiya vybora [The psychology of choice]*. Moscow: Smysl, 2015. 463 p. (In Russ.).
14. Shlyapnikov V.N. Volya: poteryannoe zveno sovremennoi zarubezhnoi psikhologii [Will: the lost link of contemporary foreign psychology] // *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*. 2022. V. 15(1). P. 72–87. DOI:10.17759/exppsy.2022150105 (In Russ.).
15. Carleton R.N. The intolerance of uncertainty construct in the context of anxiety disorders: Theoretical and practical perspectives // *Expert Review of Neurotherapeutics*. 2012. V. 12(8). P. 937–947. DOI:10.1586/ern.12.82
16. Cassotti M., Habib M., Poirel N., Aïte A., Houdé O., Moutier S. Positive emotional context eliminates the framing effect in decision-making // *Emotion*. 2012. V. 12(5). P. 926–931. DOI:10.1037/a0026788
17. Cooke D.J., Michie C., Hart S.D., Clark D.A. Reconstructing psychopathy: clarifying the significance of antisocial and socially deviant behavior in the diagnosis of psychopathic personality disorder // *Journal of personality disorders*. 2004. V. 18(4). P. 337–357. DOI:10.1521/pedi.2004.18.4.337
18. Crysel L.C., Crosier B.S., Webster G.D. The Dark Triad and risk behavior // *Personality and Individual Differences*. 2013. V. 54(1). P. 35–40. DOI:10.1016/j.paid.2012.07.029
19. Dorison C.A., Heller B.H. Observers penalize decision makers whose risk preferences are unaffected by loss–gain framing // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Advance online publication. DOI:10.1037/xge0001187
20. FeldmanHall O., Glimcher P., Baker A.L., Phelps E.A. Emotion and decision-making under uncertainty: Physiological arousal predicts increased gambling during ambiguity but not risk // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. V. 145(10). P. 1255–1262. DOI:10.1037/xge0000205
21. Foster J.D., Shenese J.W., Goff J.S. Why do narcissists take more risks? Testing the roles of perceived risks and benefits of risky behaviors // *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 47. P. 885–889. DOI:10.1016/j.paid.2009.07.008
22. Glasman L.R., Albarracín D. Forming attitudes that predict future behavior: A meta-analysis of the attitude-behavior relation // *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132(5). P. 778–822. DOI:10.1037/0033-2909.132.5.778
23. Grover S., Furnham A. The moderating effects of emotional stability on the relationship between the Dark Triad and different measures of risk-taking // *Personality and Individual Differences*. 2020. P. 110450. DOI:10.1016/j.paid.2020.110450
24. Guassi Moreira J.F., Méndez Leal A.S., Waizman Y.H., Saragosa-Harris N., Ninova E., Silvers J.A. Early caregiving adversity differentially shapes behavioral sensitivity to reward and risk during decision-making // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Advance online publication. DOI:10.1037/xge0001229

25. Lee K., Ashton M.C. Psychopathy, Machiavellianism, and Narcissism in the Five-Factor Model and the HEXACO model of personality structure // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 38(7). P. 1571–1582. DOI:10.1016/j.paid.2004.09.016
26. Malesza M., Ostaszewski P. Dark side of impulsivity – Associations between the Dark Triad, self-report and behavioral measures of impulsivity // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 88. P. 197–201. DOI:10.1016/j.paid.2015.09.016
27. Mittal C., Griskevicius V. Sense of control under uncertainty depends on people's childhood environment: A life history theory approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. V. 107(4). P. 621–637. DOI:10.1037/a0037398
28. Rauthmann J.F., Will T. Proposing a multidimensional Machiavellianism conceptualization // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2011. V. 39(3). P. 391–404. DOI:10.2224/sbp.2011.39.3.391
29. Schneider E., Streicher B., Lermer E., Sachs R., Frey D. Measuring the zero-risk bias: Methodological artefact or decision-making strategy? // *Zeitschrift für Psychologie*. 2017. V. 225(1). P. 31–44. DOI:10.1027/2151-2604/a000284
30. Skeem J.L., Cooke D.J. Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate // *Psychological Assessment*. 2010. V. 22(2). P. 433–445. DOI:10.1037/a0008512

Информация об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

Балева Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО «ПГНИУ»), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Ячменёва Надежда Павловна, старший преподаватель кафедры общей психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>, e-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru

Information about the authors

Dmitry S. Kornienko, Professor of General Psychology Department, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

Milena V. Baleva, PhD in Psychology, Associate Professor of General and Clinical Psychology Department, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Nadezhda P. Yachmeneva, Senior Lecturer of General Psychology Department, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>, e-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru

Получена 08.10.2022

Received 08.10.2022

Принята в печать 01.03.2023

Accepted 01.03.2023